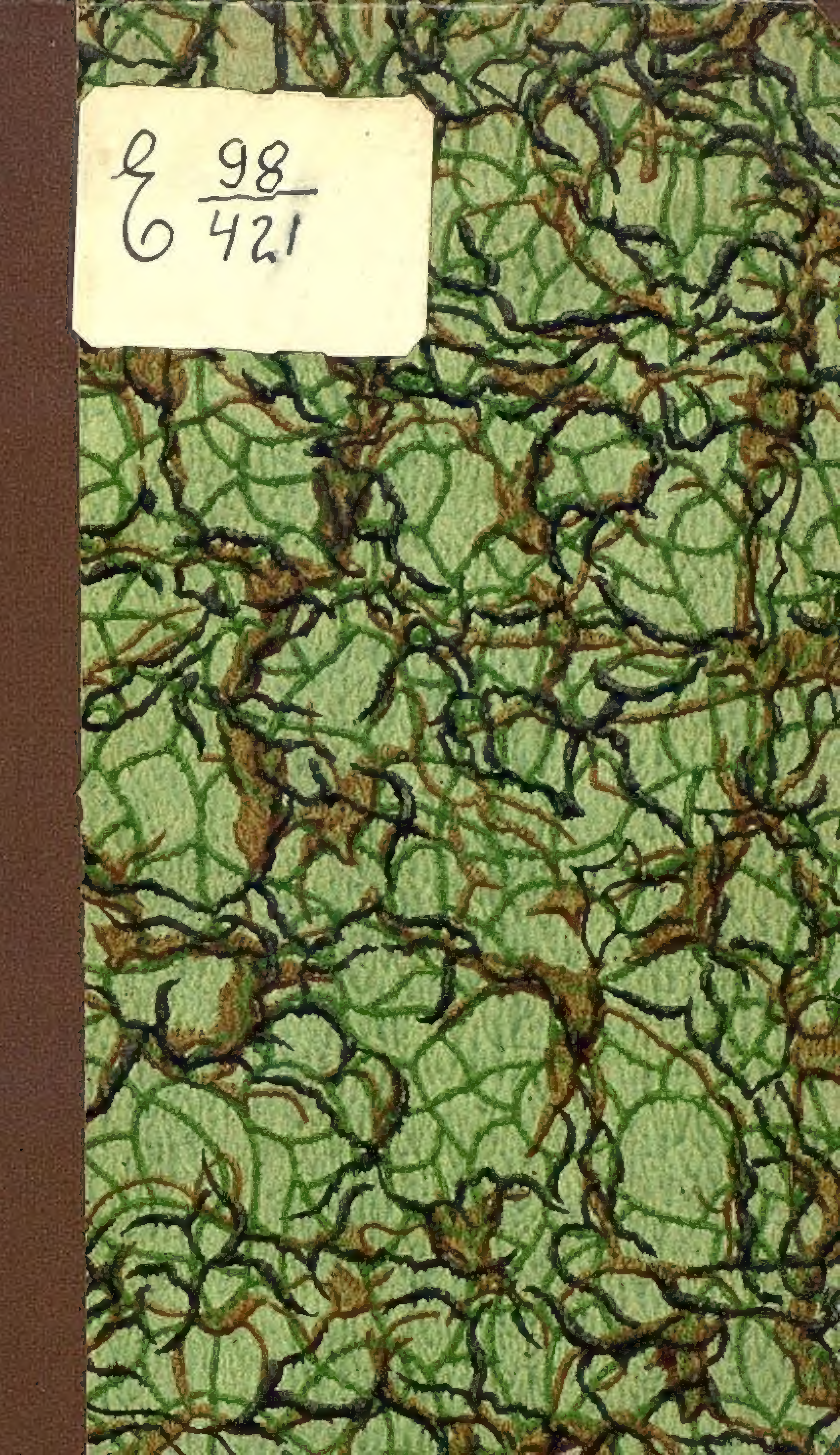
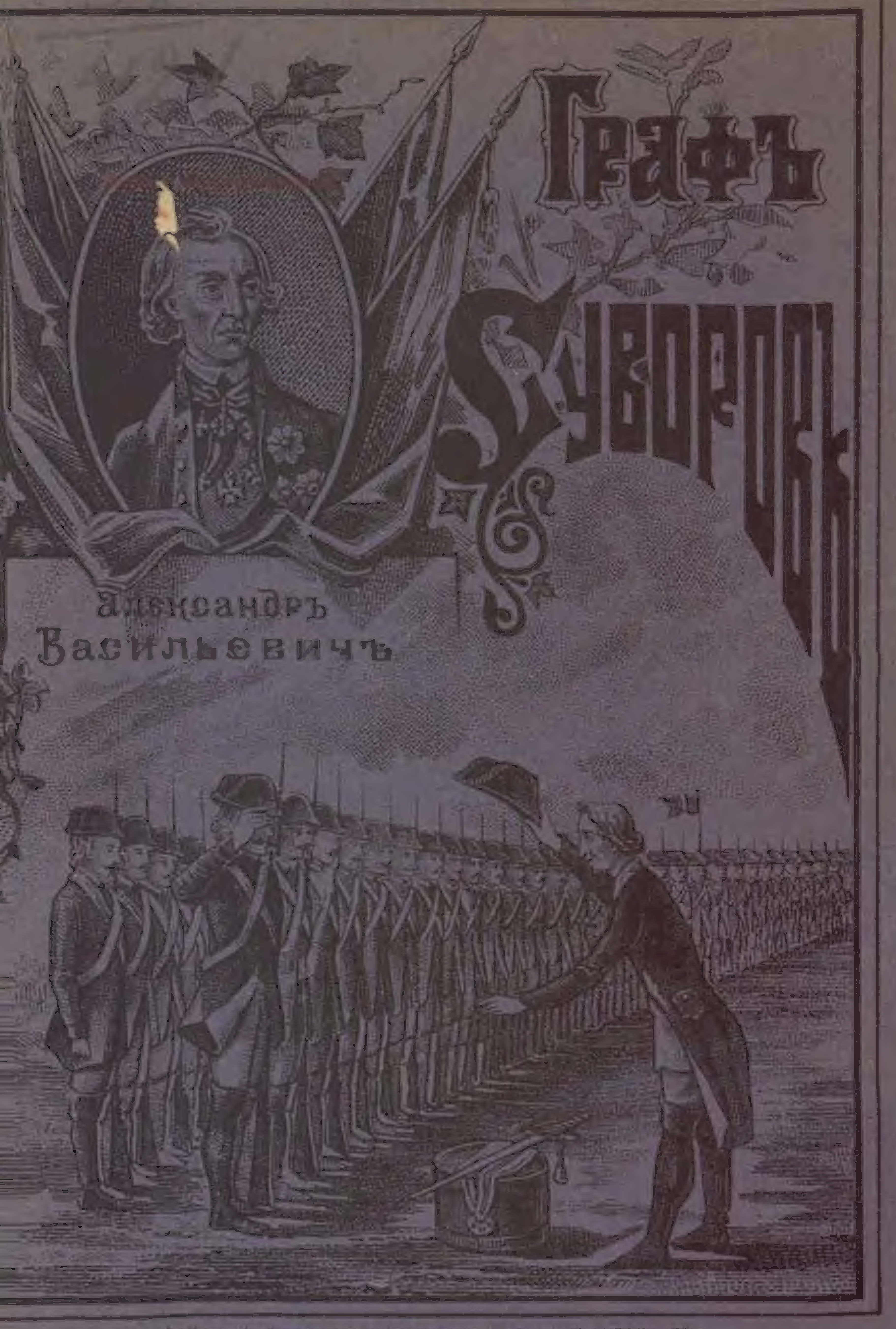

98
421

Графъ
Суворовъ
Александръ
Васильевичъ

ГРАФЪ
АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
СУВОРОВЪ,

знаменитый герой Русскій.

Разсказъ **КУКЕЛЯ**.

МОСКВА.
Типографія Н. Н. Булгакова. Солянка, д. Волкова.
1900.

2007058098

Съ большою увѣренностію можно сказать, что на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ народа, который любилъ бы своихъ героевъ болѣе того, какъ ихъ любитъ русскій народъ. Съ любовію и благоговѣніемъ произноситъ онъ имена безсмертныхъ въ исторіи поборниковъ отечественной славы. Пройдутъ десятки, сотни, лѣтъ, явится множество русскихъ героевъ, а имя Александра Васильевича Суворова никогда не изгладится изъ памяти русскаго человѣка. Сплошь и къ ряду этотъ послѣдній и не знаетъ великихъ дѣяній знаменитаго героя, а чтитъ его имя, потому что чтили его дѣды и отцы, унаслѣдовавши это почитаніе въ свою очередь отъ предковъ своихъ. Но эта любовь и почитаніе болѣе всего развиты въ русскомъ солдатѣ. Солдатъ любитъ своихъ героевъ-начальниковъ болѣе отца и матери, болѣе своей дорогой семьи. И безропотно, съ полною вѣрою въ ихъ могущество, идетъ по ихъ волѣ на явную смерть. На этой великой любви и пре-

данности зиждется то несокрушимое могущество, которымъ по справедливости гордится Россія.

Въ настоящей брошюрѣ мы намѣрены разсказать нѣсколько эпизодовъ изъ жизни знаменитаго русскаго героя Александра Васильевича Суворова.

Онъ родился въ 1729 году ноября 13-го отецъ его былъ генералъ-лейтенантъ, крестникъ Петра Великаго. Будучи еще мальчикомъ онъ игралъ со своими сверстниками въ войну, а еще ранѣе, любимыми игрушками его были куклы изображающія солдатиковъ; а когда выучился грамотѣ, съ увлеченіемъ читалъ произведенія авторовъ, описывающихъ великіе подвиги древнихъ героевъ, причемъ всегда высказывалъ родителямъ свое завѣтное желаніе сдѣлаться героемъ. Замѣтивъ воинственныя наклонности въ сынѣ, отецъ отдалъ его на тринадцатомъ году въ сухопутный кадетскій корпусъ. На двадцать-пятомъ году своей жизни онъ выпущенъ былъ въ армію съ чиномъ поручика.

Суворовъ былъ небольшого роста, худощавъ и нѣсколько сутуловатъ; лицо имѣлъ продолговатое, глаза голубые, выражающіе великій умъ, доброту и твердость характера. Проницательная Императрица Екатери-

на II обратила на него свое царское внимание и не ошиблась, такъ какъ Суворовъ былъ, можно сказать, украшеніемъ продолжительнаго и славнаго ея царствованія, внушивъ врагамъ Россіи высокое уваженіе къ рускому оружію.

Во всю свою жизнь Суворовъ былъ истинно русскимъ человѣкомъ и съ глубокимъ уваженіемъ относился къ русскимъ обычаямъ, и ревностно исполнялъ всѣ церковные обряды: предъ образами клалъ земные поклоны, проходя мимо церкви, снималъ фуражку и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, строго соблюдалъ посты, входя въ комнаты и садясь за трапезу, крестился. Онъ былъ правдивъ, милосердъ и благотворителенъ, дѣлая благотворительность такъ, чтобы того не видѣли посторонніе; презиралъ лжецовъ, клеветниковъ и наушниковъ, никогда не нарушалъ даннаго слова, чего бы ни стоило ему выполнить его. Любилъ онъ русскаго солдата, хорошо былъ знакомъ съ его бытомъ, нуждами и умѣлъ особеннымъ языкомъ говорить съ нимъ. Боготворили и его солдаты, хотя по службѣ онъ былъ весьма строгъ. Первое требованіе его отъ подчиненныхъ были скорые отвѣты на всякій вопросъ. Слово „не знаю“ возбуждало въ немъ гнѣвъ: онъ кричалъ, бранился, топалъ ногами, но

тѣмъ и кончилось дѣло, другихъ наказаній не было. Но неудовольствія Суворова, выраженныя даже такимъ образомъ, были страшны для боготворившихъ его солдатъ. Однажды Суворовъ, проходя мимо солдата, стоявшаго на часахъ, спросилъ: „сколько на небѣ звѣздъ?“ Не задумываясь, солдатъ отвѣтилъ: „сейчасъ сочту“ и началъ считать. Было морозно. Суворовъ, въ ожиданіи отвѣта отъ солдата, продрогъ и убѣжалъ, проговоривъ: „перехитрилъ меня“.

До 1768 года Суворовъ, хотя и участвовалъ въ войнѣ съ Фридрихомъ Прусскимъ, знаменитымъ полководцемъ своего времени, но здѣсь ему, какъ расторопному офицеру, давались весьма трудныя порученія, но не на полѣ бранномъ, куда рвалась душа его. Только на пятомъ году этой войны, продолжавшейся всего семь лѣтъ, ему удалось вырваться въ дѣйствующую армію, гдѣ онъ отличался до конца войны, показавъ свою храбрость и геніальныя способности военнаго дѣятеля. Дѣятельность его въ этой войнѣ была не самостоятельною, тѣмъ не менѣе она была для него школою, въ которой учителемъ Суворова былъ Фридрихъ, къ дѣйствіямъ коего онъ зорко присматривался. По окончаніи семилѣтней войны Суворовъ отозванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ Екатерина II

наградила его чиномъ полковника и назначила командиромъ Астраханскаго полка. Въ скоромъ времени онъ назначенъ былъ начальникомъ Суздальскаго полка, который квартировалъ въ Новой Ладогѣ, недалеко отстоящій отъ Петербурга. Неусыпно заботясь о своемъ воинствѣ, онъ выстроилъ въ Новой Ладогѣ, на свои средства домъ для училища, въ которомъ обучались солдатскія дѣти, и самъ преподавалъ нѣкоторые предметы и сочинялъ учебники.

Суворовъ чуждался шумнаго свѣта и предпочиталъ проводить время въ бесѣдахъ со своими солдатами, которыхъ поучалъ разнымъ истинамъ; такъ, напримѣръ, онъ говаривалъ: „солдатъ долженъ быть не разбойникомъ, а христіаниномъ“. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался фельдмаршаломъ, послѣ одного сраженія ему представлены были всѣ отличившіеся, какъ храбростію, такъ и другими поступками; между ними былъ рядовой Митрофановъ, который, вмѣстѣ съ другими своими товарищами, взялъ въ плѣнъ трехъ Французовъ, которые отдали все, что при нихъ было цѣннаго, лишь бы ихъ не убивали. Митрофановъ отдалъ имъ обратно деньги, необходимыя на пропитаніе, и далъ слово, что ихъ не убьютъ. Нѣсколько подбѣжавшихъ другихъ солдатъ хотѣли убить

плѣнныхъ, но Митрофановъ остановилъ ихъ словами: „Нѣтъ, ребята, я далъ имъ пардонъ, такъ пускай же и французы знаютъ, что слово твердо“. Салдатики послушались товарища и оставили французовъ въ покоѣ. Когда въ скоромъ времени доложено было объ этомъ Суворову, онъ потребовалъ къ себѣ Митрофанова и спросилъ: „Кто научилъ тебя быть столь великодушнымъ? Тотъ отвѣчалъ; — „русская азбука — слово твердо и поученія Вашего Сіятельства: — солдатъ не разбойникъ, а христіанинъ!“ Фельдмаршалъ обнялъ его и произвелъ въ унтеръ офицеры. На ученьяхъ онъ былъ строгъ. Если кто погрѣшалъ противъ службы, онъ укорялъ словами: „это не по-русски, стало быть ты не русскій“. Всѣ его подчиненные боялись этихъ словъ, считая ихъ для себя великимъ наказаніемъ.

Въ 1768 году возстала Польша, куда Императрица Екатерина II между прочими полками послала Суздальскій полкъ, которымъ командовалъ Суворовъ. Съ этого времени начинается новый періодъ жизни его. Рядъ побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ мятежниками, устрашилъ послѣднихъ настолько, что они при одномъ имени Суворова трепетали и здавались безъ боя съ силами превосходящими силы его. Такъ однажды ему

сдался цѣлый эскадронъ непріятельскихъ войскъ, укрывшійся гдѣ-то въ сараѣ, къ которому Суворовъ подъѣхалъ совершенно одинъ и закричалъ:—„Сдавайтесь!“

Въ три года, проведенныхъ Суворовымъ въ Польшѣ, жизнь его неоднократно подвергалась опасностямъ, а благодаря интригамъ своихъ завистниковъ и недоброжелателей онъ терпѣлъ всегда большія неудовольствія. Возрадовался Суворовъ услыхавъ, что прикомандированъ къ корпусу, которому повелѣно было итти въ Финляндію.

Въ 1772 году Суворовъ былъ отозванъ Императрицею Екатериною II въ Петербургъ, гдѣ ему оказаны были великія царскія милости и дано порученіе осмотрѣть крѣпости по границѣ со Швеціею, что онъ блистательно исполнилъ, и, по возвращеніи изъ Финляндіи, просилъ Императрицу отправить его въ Молдавскую армію, которая назначалась для войны съ Турціей. На эту просьбу послѣдовало согласіе Императрицы и Суворовъ спѣшилъ на Дунай, гдѣ его ожидали новые лавры.

Первымъ дѣломъ Суворова было взятіе турецкаго города Туртукая, вопреки распоряженіямъ главнокомандующаго Румянцева, который отозвалъ его и предалъ военному суду за ослушаніе, приговорившему Суво-

рова къ смертной казни. Препровождая къ Императрицѣ рѣшеніе суда, Румянцевъ приложилъ и увѣдомленіе Суворова о взятіи Туртукая, которое гласило:

Слава Богу, слава намъ!
Туртукай взятъ и я тамъ!—

Екатерина II узнала въ остроумной шуткѣ своего Діогена и подписала на приговорѣ суда: Побѣдителя не судятъ", а Суворову прислала крестъ св. Георгія 2 й степени.

Выдающимся дѣломъ Суворова въ эту войну было дѣло подъ Кагуломъ. Вскорѣ послѣ этого былъ заключенъ съ Турціею славный для Россіи миръ.

По повелѣнію Императрицы Суворовъ былъ назначенъ въ отрядъ противъ Пугачева, котораго онъ самолично доставилъ въ желѣзной клѣткѣ въ Нижній-Новгородъ и сдалъ Панину. Отсюда его отправили подъ сильнымъ конвоемъ въ Москву, гдѣ онъ былъ казненъ.

Большое участіе принималъ Суворовъ въ дѣлѣ присоединенія Крыма къ Россіи.

Когда Императрица Екатерина II, передъ второю турецкою войною, путешествовала по южной Россіи и Крыму, въ блестящей свитѣ ея былъ и Суворовъ. Здѣсь онъ изумлялъ всѣхъ своею оригинальностію и при-

чудами, къ которымъ такъ привыкъ, что не могъ уже отстать отъ нихъ. Румянцевъ не любивши Суворова, выражался о немъ такъ: „вотъ человѣкъ, который всѣхъ хочетъ увѣрить, что онъ глупъ, но никто ему не вѣритъ“. Сегюръ, бывшій посланникомъ при рускомъ дворѣ, писалъ о немъ, какъ о геніи по высокому уму и философѣ по странностямъ; Де-линь называлъ его Александромъ Діогеновичемъ.

Когда въ Полтавѣ Императрица дѣлала смотръ войскамъ, которыя представлялъ Суворовъ, и оставшись весьма довольною, спросила: „Чѣмъ мнѣ наградить васъ, Александръ Васильевичъ?“—„Ничего не надо, матушка,—отвѣчалъ Суворовъ.—Давай тѣмъ, кто у тебя ихъ проситъ. Вѣдь у тебя такихъ попрошаекъ, чай, много!“ Но Императрица настаивала на своемъ, тогда Суворовъ сказалъ:—„Если такъ, матушка, то прикажи заплатить за квартиру моему хозяину—покою не даетъ мнѣ, а заплатить нечѣмъ“.—„А много?“—спросила Государыня.—„Много, матушка,—три рубля съ полтиной“,—важно сказалъ Суворовъ. Деньги были выданы и Суворовъ разсказывалъ объ уплатѣ Императрицею его долговъ. „Что дѣлать, промотался, хорошо что матушка платитъ за меня, а то бѣда бы!“—говаривалъ онъ.

Услышавъ однажды, что Императрица имъ за что-то недовольна, онъ бросился къ ея ногамъ. „Что вы, что вы! Александръ Васильевичъ“!—сказала Императрица и стала его поднимать. Тогда Суворовъ быстро вскочилъ и сказалъ: — „Врутъ, что я упалъ, сама матушка Царица подняла меня!“

Въ это время Суворову было пятьдесятъ лѣтъ и на видъ онъ казался дряхлымъ, а въ сущности былъ крѣпокъ, здоровъ, неутомимъ и легко переносилъ голодъ и жажду. Въ мирное время онъ вставалъ въ два часа по полуночи, окачивался холодною водою даже и въ зимнее время, затѣмъ бѣгалъ, прыгалъ и пѣлъ пѣтухомъ; потомъ молился и садился пить чай. Тутъ приходилъ его поваръ Мишка, которому заказывался обѣдъ изъ кушаній, которымъ Суворовъ давалъ собственныя названія, какъ напримѣръ: похлебка персидская, турецкая, вавилонская и тому под. Въ 6 часовъ онъ выходилъ уже на ученье. Къ обѣду, за который Суворовъ садился въ девять часовъ утра, всегда приглашались офицеры. Въ столовой онъ подходилъ къ образу и вслухъ читалъ „Отче нашъ“, а стоявшій близь него гость долженъ былъ окончить молитву словами: „Слава Отцу и Сыну и Святому Духу“. Всѣ остальные гости говорили „Аминь“. Суво-

ровъ обыкновенно говорилъ: „кто не сказалъ „аминь“, тому нѣтъ водки“. За столъ садились по старшинству, но рядомъ съ Суворовымъ садился его адьютантъ, на обязанности коего лежало разливать въ тарелки супъ и рѣзать жаркое. За столомъ сидѣли всегда долго и Суворовъ занималъ своихъ гостей шутливыми, но въ тоже время поучительными разсказами.

Въ военное время порядокъ жизни Суворова значительно измѣнялся. Когда не было сраженія, онъ любилъ ходить по лагерю въ солдатской курткѣ, или въ старой отцовской шинели, которую называлъ „родительскою“ и очень ею дорожилъ. Ему весьма нравилось, когда солдаты не узнавали его и обращались съ нимъ, какъ со своимъ братомъ. Будучи фельдмаршаломъ уже, онъ однажды бѣгалъ по лагерю въ солдатской курткѣ, какъ вдругъ одинъ унтеръ офицеръ вскричалъ: — „Ей старина! не знаешь ли, гдѣ главнокомандующій находится?“ — „А чортъ его знаетъ!“ — отвѣчалъ Суворовъ. — „Я привезъ ему важныя бумаги отъ генерела,“ — вскричалъ сержантъ. — „Не отдавай! Онъ теперь или мертвецки пьянъ, или горланитъ пѣтухомъ“, — кричалъ Суворовъ. Сержантъ взмахнулся было на него, но остановился и сказалъ: „Моли Бога, что ты старъ, не хочу

руки объ тебя марать! Смѣешь такъ говорить о нашемъ отцѣ и благодѣтелѣ; стало-быть ты не русскій!“ Суворовъ убѣжалъ и вошелъ къ себѣ только черезъ часъ; унтеръ-офицеръ уже былъ тамъ, ожидая его. Узнавши, что старикашка, котораго онъ хотѣлъ вздуть, былъ никто иной какъ Суворовъ, онъ намѣревался броситься къ его ногамъ; но Суворовъ удержалъ его, говоря: — „Ты доказалъ любовь свою ко мнѣ на дѣлѣ, намѣреваясь поколотить меня изъ-за меня же“.

Передъ сраженіемъ онъ отдавалъ съ вечера приказаніе, чтобы съ первыми пѣтухами всѣ были на своихъ мѣстахъ, а самую роль пѣтуха почти всегда исполнялъ самъ. Передъ самымъ сраженіемъ онъ молился Богу, благословлялъ окружающихъ его, напоминая имъ обязанности ихъ къ Богу, Государю и отечеству; наконецъ садился на коня крича: „На коня! на коня! А кто со мною не пойдетъ, того волки съѣдятъ!“ Въ бою онъ подвергался опасностямъ на равнѣ со всѣми солдатами, а потому на тѣлѣ его было безчисленное множество слѣдовъ ранъ.

Послѣ сраженія онъ лично раздавалъ награды и, цѣловавъ орденъ, надѣвалъ его на отличавшагося.

Съ началомъ второй турецкой войны въ 1787 года начинается періодъ жизни Суво-

рова, когда судьба благоволила ему стать на высшую воинскую ступень съ именемъ перваго русскаго полководца; когда враги наши стали считать непобѣдимымъ то войско, которымъ командовалъ Суворовъ.

На первыхъ порахъ Суворову поручено было охраненіе черноморскихъ береговъ. Прибывъ въ Херсонъ, онъ принялъ начальство надъ 30-ти тысячнымъ войскомъ и Черноморскимъ флотомъ. Предполагалось, что непріятель прежде всего разоритъ Херсонъ и уничтожить находившійся тамъ флотъ, чтобы проложить себѣ дорогу въ Крымъ. Городъ Очаковъ, принадлежавшій туркамъ, былъ сильно укрѣпленъ и снабженъ отборными турецкими войсками. Со стороны русскихъ былъ укрепленъ Кинбурнъ, находившійся отъ Очакова всего въ 14 верстахъ. Эту крѣпость Суворовъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія, чтобы наблюдать за движеніями непріятеля. 19-го августа къ Очакову подошли 18 кораблей и фрегатовъ и 38 мелкихъ судовъ, которыя закрыли Днѣпровскій лиманъ. Русскому флоту приказано было выйти изъ Севастополя, но сильною бурею его повредило на столько, что едва онъ могъ вернуться обратно. Турецкіе корабли подступили къ Кинбурну и стали бомбордировать его. Имъ удачно отвѣчалъ Суворовъ, пустивъ на воз-

духъ одинъ корабль и повредивъ другіе. Флотъ турецкій отступилъ опять къ Очакову и рѣшено было взять Кинбурнъ приступомъ. 1-го октября началась новая бомбондировка Кинбурна и замѣтны были приготовленія турокъ къ высадкѣ. Суворовъ не приказалъ стрѣлять въ нихъ и спокойно слушалъ обѣдню. Турки высадились на косу и съ удивленіемъ смотрѣли на то, что въ нихъ не стрѣляютъ со стѣнъ крѣпости. Повыше турокъ на ту же косу высадились запорожцы, бѣжавшіе въ Турцію. Суворовъ ожидалъ прибытія десяти эскадроновъ конницы и быстрымъ натискомъ желалъ смять турокъ, но войска не приходили. Въ полдень непріятель пошелъ приступомъ на крѣпость. Тогда грянули пушки съ крѣпостныхъ стѣнъ Кинбурна и одновременно казаки ударили съ фланговъ, а пѣхота ударила въ штыки. Турки были смяты и бѣжали, но такъ какъ по распоряженію турецкаго начальства всѣ лодки были отчалены, по турецкому войску путь отступленія былъ отрѣзанъ, а потому они яростно бросились вторично въ битву; они уже гнали русскихъ, какъ явился Суворовъ, крича: „Ребята, за мною!“ Въ это время непріятельскимъ ядромъ оторвало морду у лошади, на которой сидѣлъ Суворовъ, и она упала вмѣстѣ со своимъ великимъ сѣдокомъ.

Одинъ турокъ уже занесъ свою саблю. готовый поразить Суворова, но мушкатеръ Новиковъ спасъ его, поразивъ штыкомъ турка. Большая часть окружавшихъ Суворова были перебиты или ранены. Наконецъ непріятельская пуля пробила лѣвую руку Суворова, онъ принужденъ былъ удалиться съ помощью двухъ своихъ солдатъ. Промывши и перевязавъ рану, онъ снова бросился въ битву. Сраженіе казалось ему проиграннымъ, но, къ счастію Суворова, подоспѣла ожидаемая конница и началось ужасное пораженіе турокъ; ихъ били и топили въ морѣ. Изъ 6000 человѣкъ едва спаслись 700 человѣкъ. Такимъ образомъ половина Очаковскаго гарнизона погибла въ этомъ бою. Сраженіе кончилось уже позднимъ вечеромъ; Суворовъ, изнемогая отъ потери крови, отнесенъ былъ въ крѣпость, гдѣ тот часъ лишился чувствъ. Но когда ночью онъ услыхалъ тревогу, по случаю нападенія запорожцевъ, то, забывъ свою рану, появился на крѣпостномъ валу... Приступъ запорожцевъ былъ отбитъ двумя пушечными выстрѣлами.

Императрица собственноручнымъ письмомъ благодарила Суворова и прислала ему орденъ Андрея Первозваннаго.

Турецкій флотъ отошелъ отъ Очакова въ Царьградъ, а часть жителей его разбѣжа-

лась. Въ этомъ году больше не было битвъ съ турками.

Въ слѣдующемъ году турки собрали триста тысячъ войска. Гассанъ, турецкій адмиралъ, съ 16 кораблями, 14 фрегатами и 66 мелкими судами прибылъ къ Очакову, имѣя въ виду уничтожить русскій флотъ и завладѣть Крымомъ, а русскій флотъ состоялъ изъ 5 кораблей, 8 фрегатовъ и 65 мелкихъ судовъ. Первое нападеніе турокъ было неудачное: два корабля сѣли на мель и были сожжены русскими. Убѣдившись, что съ большими кораблями невозможно дѣйствовать въ тѣсномъ Днѣпровскомъ лиманѣ, Гассанъ хотѣлъ пробраться чрезъ Кинбурнскій проливъ, но наткнулся на устроенную Суворовымъ баттарею, которая открыла убійственный огонь по турецкимъ кораблямъ и сильно повредила ихъ. Нассау Зигенъ, командовавшій русскимъ флотомъ, бросился за Гассаномъ и произвелъ страшное опустошеніе онъ уничтожилъ турецкій флотъ. Гассанъ едва успѣлъ спастись и прибылъ въ Царьградъ съ однимъ кораблемъ, двумя фрегатами и нѣсколькими мелкими судами. Суворовъ совѣтовалъ Потемкину, бывшему тогда главнокомандующимъ русскою арміею, немедленно взять приступомъ Очаковъ, но онъ не послѣдовалъ его совѣту. Спустя нѣсколько

время онъ рѣшился медленно осаждать Очаковъ, а Суворовъ горѣлъ нетерпеніемъ и роптал на его дѣйстія, которыя дали возможность ободриться туркамъ. Они сдѣлали вылазку на прибрежныя укрѣпленія, гдѣ былъ Суворовъ; завязалась кровавая битва. Своровъ просилъ Потемкина сдѣлать нападеніе на крѣпость со всѣхъ сторонъ, но тотъ не послѣдовалъ его совѣту. Быть можетъ, Суворовъ выигралъ бы сраженіе и безъ просимаго подкрѣпленія, но былъ тяжело раненъ. Пуля прошла сквозь шею и остановилась въ затылкѣ. Вслѣдствіе этого Суворовъ убѣжалъ въ свою палатку, поручивъ отрядъ свой Бибикову, который, не получая подкрѣпленія, приказалъ быстро отступать отъ стѣнъ Очакова. Турки ударили на отступавшихъ русскихъ и обратили ихъ въ бѣгство. Суворовъ отправился въ Кинбурнъ и страдалъ тамъ сильно горячкою. Потемкинъ въ письмахъ своихъ упрекалъ Суворова за безполезную погибель. Суворовъ попалъ въ опалу къ Потемкину, который не хотѣлъ даже вѣрить, что онъ тяжело раненъ. Неудовольствія продолжались и Суворовъ просилъ увольненія. Потемкинъ уволилъ его.

Вскорѣ онъ поправился, но страдалъ душевно вдали отъ ратнаго поля, куда рвалась душа. Единственнымъ утѣшеніемъ его

была переписка съ дочерью, воспитывавшеюся въ Смольномъ институтѣ. Въ это время она перешла въ высшій классъ. Приводимъ одно изъ писемъ Суворова. Онъ писалъ: „Ты меня такъ утѣшила письмомъ, что я плакалъ. Кто тебя такому красному слогу учитъ? Боюсь — меня перещеголяешь! Ай! Суворочка! Сколько у салдата, жаворонковъ, стерлядей, воробьевъ, цвѣтовъ! Волны бьютъ съ берега, какъ изъ пушекъ, и слышно, какъ въ Очаковѣ собаки лаютъ и пѣтухи поютъ. Посмотрѣлъ бы я на тебя въ бѣломъ платьицѣ! При свиданіи не забудь мнѣ разсказать о великихъ мужахъ древности! Голубушка Суворочка! цѣлую тебя. Радъ говорить съ тобою о герояхъ — научи имъ послѣдовать. А какой по ночамъ въ Очаковѣ вой: собаки поютъ волками, коровы охаютъ, волки блѣютъ, козы ревутъ! Я сплю на косѣ, она далеко въ море ушла. Гуляю по ней и слушаю, какъ турки говорятъ на своихъ лошадкахъ, и вижу, какъ они курятъ трубки! А лодки у нихъ такія большія — иная съ вашъ Смольный, паруса съ версту, а на иной лодкѣ ихъ больше, чѣмъ у васъ въ Смольномъ мухъ, и желтенькіе, и синенькіе, и красненькіе, и сѣренькіе и зелениньіе, да и ружья-то у нихъ величиною

съ ту комнату, въ которой ты спишь съ сестрами".

Потемкина всѣ осуждали, а Суворова жалѣли. Наконецъ-то онъ былъ отозванъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ назначеніе идти на Дунай. Тутъ онъ прежде всего одержалъ съ принцемъ Кобурскимъ побѣду надъ сорокатысячнымъ корпусомъ турецкимъ; турки потерпѣли окончательное пораженіе подъ Рымникомъ. Сто знаменъ, восемьдесятъ пушекъ и богатая добыча достались русскимъ. Суворовъ былъ награжденъ орденомъ Георгія 1-й степени и графскимъ достоинствомъ съ наименованіемъ „рымникскимъ".

Суворовъ тутъ же совѣтовалъ Потемкину взять маленькія крѣпости по Дунаю и идти на Измаилъ, но тотъ медлилъ и только осенью приступилъ къ исполненію плана Суворова. Взяты были: Тульча, Исакча, но трудно было справиться съ Измаиломъ, представлявшимъ крѣпость грозную съ сорокатысячнымъ гарнизономъ, при 250-ти орудіяхъ. Встрѣтивъ сопротивленіе турокъ, изнуренныя и больныя войска наши уже отступали, тогда наконецъ Потемкинъ приказалъ Суворову взять Измаилъ. Отвѣтъ Суворова былъ такой: „Получивъ повелѣніе Вашей Свѣтлости, отправляюсь я къ Измаилу! Боже! дай помощь Свою!" Тотчасъ Суворовъ

сѣлъ на казацкую лошадь и на другой день съ отрядомъ казаковъ былъ уже подъ Измаиломъ. Встрѣтивъ отступающія войска, онъ приказалъ имъ вернуться. Появленіе Суворова ободрило всѣхъ и на военномъ совѣтѣ единогласно всѣ рѣшили штурмовать Измаилъ. „Хорошо! Помилуй Богъ хорошо! Сегодня молиться, завтра учиться, а послѣзавтра побѣда или смерть! — воскликнулъ Суворовъ. Чтобы отвлечь вниманіе турокъ, открыта была пальба съ Дуная, а когда наступила ночь, въ которую никто не спалъ, Суворовъ объѣзжалъ войска, раздѣленныя на три отряда, и бесѣдовалъ съ офицерами. Вездѣ встрѣчали его съ восторгомъ. Въ три часа взлетѣла на воздухъ первая ракета— всѣ взялись за оружіе; въ четыре часа другая — построились въ боевой порядокъ; въ пять часовъ третья — и, въ одно мгновеніе, войска двинулись на Измаилъ. Стѣны Измаила вспыхнули, отважные русскіе солдаты лѣзли по лѣстницамъ, потомъ ихъ бросили и, втыкая штыки въ валъ, лѣзли по нимъ. Турки отчаянно дрались. Въ одномъ мѣстѣ русскія войска дрогнули, появился священникъ и съ крестомъ впереди шелъ увѣщевая солдатъ именемъ Бога, дарующаго побѣды, идти впередъ. Вслѣдъ за тѣмъ Суворову прислалъ Кутузовъ, будущій герой 1812

года, такое же извѣстіе, на что Суворовъ, отвѣчалъ ординарцу: — „скажи Кутузову, что я назначаю его комендантомъ Измаила.“ Въ 8 часовъ утра рускіе заняли всѣ внѣшнія укрѣпленія, но имъ предстояло бороться съ турками внутри крѣпости. Съ оружіемъ въ рукахъ отчаянно дрались еще турки въ каждой улицѣ, въ каждомъ домѣ; но наконецъ сдались. Около двадцати трехъ тысячъ турокъ были убиты и только пять тысячъ были взяты въ плѣнъ, и то большая часть ихъ были ранены. Изъ двадцати восьми тысячъ русскихъ было убито четыре тысячи и шесть тысячъ ранено, въ томъ числѣ четыреста офицеровъ. Турецкихъ знаменъ взято около шестисотъ, а пушекъ 232. Кромѣ этого досталась русскимъ громадная добыча. Суворовъ писалъ Императрицѣ: – „Гордый Измаилъ у ногъ Вашего Императорскаго Величества!“

Удивительное и даже непостижимое взятіе Суворовымъ Измаила составляетъ въ военной исторіи явленіе необычайное. Суворовъ гордился имъ и не скрывалъ своего личнаго негодованія, когда при свиданіи съ Потемкинымъ, этотъ послѣдній спросилъ: — „Чѣмъ наградить тебя, Александръ Васильевичъ?“ — „Кромѣ Бога и Императрицы никто наградить меня не можетъ“, — отвѣ-

чалъ ему Суворовъ. Они разстались послѣ этого холодно. Предполагали, что Суворова въ награду за Измаилъ произведутъ въ фельдмаршалы, но Потемкинъ не желалъ этого. Суворовъ впалъ въ немилость великаго вельможи, который не прощалъ его до своей смерти. Награды за Измаилъ Суворовъ никакой не получилъ. Императрица послала его въ Финляндію, гдѣ онъ провелъ около двухъ лѣтъ, что было почти равносильно забвенію о его великихъ подвигахъ.

Въ 1791 году Потемкинъ умеръ. Суворовъ былъ назначенъ на югъ Россіи для приведенія въ порядокъ вновь пріобрѣтенныхъ земель, городовъ и крѣпостей, гдѣ онъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія Херсонъ. Опять около двухъ лѣтъ томился Суворовъ безъ дѣла. Между тѣмъ въ Польше опять начались смуты. Съ появленіемъ Косцюшко, который выбранъ былъ только командующимъ поляками, возмущеніе приняло грозный характеръ. Личною своею храбростію и краснорѣчіемъ онъ съумѣлъ возмутить всю Польшу. Императрица Екатерина II послала туда войско, но дѣйствія его были безуспѣшны, Косцюшко даже выигралъ нѣсколько сраженій. Тогда главнокомандующимъ былъ назначенъ Суворовъ. Онъ разбилъ польскія

войска и взялъ въ плѣнъ самаго Косцюшку и, когда занялъ Варшаву, то донесъ Императрицѣ объ этой побѣдѣ въ слѣдующихъ словахъ:—„Ура! Варшава наша!“ Императрица отвѣчала ему собственноручно:—Ура! Суворовъ фельдмаршалъ!“ При этомъ былъ препровожденъ фельдмаршальскій жезлъ. Онъ пробылъ въ Польшѣ до конца 1795 года. Никогда еще не являлся онъ въ такой славѣ, какъ въ бытность свою въ Польшѣ; онъ окруженъ былъ знатными сановниками. Будучи правителемъ Польши, онъ оставилъ добрую о себѣ память. Образа жизни своего онъ не измѣнилъ, продолжая шутить, и нерѣдко удивлялъ иностранцевъ, желавшихъ видѣть покорителя Измаила и Варшавы.

Проѣздъ его изъ Варшавы былъ торжественный. Какъ ни старался онъ скрываться, но его встрѣчали повсюду губернаторы, войска и граждане съ хлѣбомъ солью. „Помилуй Богъ! Помилуй Бобъ! Они уморятъ меня!“ говорилъ Суворовъ и плакалъ отъ радости. Въ Петербургѣ ему была устроена торжественная встрѣча. Для житья ему былъ отведенъ, по повелѣнію Императрицы, Таврическій дворецъ. Разговаривая съ Суворовымъ на другой день, Императрица подарила ему табакерку съ портретомъ Александра Маке-

донскаго, сказавъ:—„Никому не приличенъ болѣе васъ портретъ вашего тески—вы велики, какъ онъ!“

Но и среди почестей и окружавшаго его блеска Суворовъ не измѣнялъ своего образа жизни, а также и своихъ странностей. Въ Таврическомъ дворцѣ онъ занималъ одну маленькую комнатку, спалъ на сѣнѣ и рѣдко являлся въ великосвѣтскомъ обществѣ, хотя всѣ считали за счастіе, когда онъ посѣщалъ ихъ пиры. У Государыни онъ былъ почетнымъ гостемъ.

Однажды Императрица на своемъ балу спросила Суворова:—„Чѣмъ угощать васъ, фельдмаршалъ?“—„Матушка! будь милостива: вели подать водочки!“—отвѣчалъ Суворовъ.—„Но что скажутъ красавицы, замѣтивъ, что отъ васъ пахнетъ водкой?“—возразила Императрица, смѣясь. — „Онѣ скажутъ что Суворовъ-солдатъ“,—отвѣчалъ Суворовъ.

До императрицы дошли слухи, что Суворовъ зимою не смотря на трескучіе морозы, ходитъ безъ шубы; тогда она, упрекая его въ томъ, что онъ не бережетъ своего здоровья, подарила ему дорогую соболью шубу. Суворовъ благодарилъ ее и, ѣздя во дворецъ, бралъ съ собою слугу, который держалъ шубу на рукахъ и надѣвалъ ее на

Суворова при выходѣ его изъ кареты. „Не смѣю ослушаться Императрицы — шуба со мной! а нѣжиться солдату не хорошо!“ — говаривалъ онъ.

Французская революція встревожила весь западъ Европы, обстоятельства требовали вмѣшательства Россіи въ дѣла Европы. Восьмидесятитысячное войско, подъ предводительствомъ Суворова, было назначено для похода заграницу. Лѣтомъ 1796 года Суворовъ получилъ приказъ двинуться. Русскій корпусъ уже вступилъ въ Галицію, какъ вдругъ послѣдовало повѣленіе Императрицы пріостановиться походомъ и расположить войска на зимнія квартиры. Война уже кипѣла на западѣ. Суворовъ скучалъ и вскорѣ получилъ печальное извѣстіе о кончинѣ Императрицы Екатерины II — 6-го ноября 1796 года Русскія войска скоро отозваны были назадъ, по вступленіи на всероссійскій престолъ Императора Павла І-го.

Вскорѣ послѣ кончины Императрицы Екатерины II при дворѣ царскомъ явились новые сановники, которые замѣнили старыхъ подвижниковъ. Суворовъ не измѣнился и, во многихъ случаяхъ рѣзко высказываясь, пріобрѣлъ между ними враговъ, которые перетолковывали все въ превратномъ видѣ; вслѣдствіе чего онъ впалъ въ немилость.

17-го января 1797 года командованіе надъ Екатеринославскимъ корпусомъ передано было генералъ-лейтенанту Беклемишову, а Суворову повѣлено было оставаться въ Петербургѣ, безъ команды. Суворовъ осмѣлился замѣтить, что если у него отнято начальство надъ войсками, то ему нечего дѣлать не только въ Петербургѣ, но и на службѣ. За подобные отзывъ онъ былъ отставленъ отъ службы. Онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ у него былъ небольшой домикъ, надѣясь тамъ провести остатокъ дней своихъ въ семействѣ любимой дочери своей. Но враги его не дали ему покоя здѣсь. Суворовъ оставилъ Москву и отправился въ деревню.

Безропотно повиновался онъ Высочайшей волѣ, быстро собрался и уѣхалъ на почтовой телѣжкѣ въ свое родовое сельцо Копшанское Новгородской губерніи, гдѣ былъ еще цѣлъ домикъ отца его. Никто не слыхалъ отъ него ни жалобъ, ни сѣтованій, онъ казался веселымъ и спокойнымъ, ходилъ къ заутрени и обѣдни въ церковь, гдѣ исполнялъ должность дьячка и пономоря,—звонилъ въ колокола, подавалъ священнику паникадило, пѣлъ на клиросѣ и читалъ апостола. Въ праздничные дни заходилъ къ священнику на водку. Дома обѣдалъ всегда одинъ, а послѣ обѣда уходилъ гулять по

деревнѣ, бѣгалъ и игралъ съ ребятишками, слушалъ деревенскія новости и сплетни, мирилъ ссорящихся и вообще благодѣтельствовалъ своимъ крестьянамъ. Вечеромъ онъ удалялся въ небольшой домикъ въ саду, имъ самимъ выстроенный, гдѣ, очень часто, до утренней зари занимался дѣлами, окруживъ себя картами, планами книгами. Въ своемъ уединеніи онъ зорко слѣдилъ за дѣйствіями Наполеона, который навелъ ужасъ на всю Европу, и иногда говорилъ: — „Пора, пора унять мальчика, далеко шагаетъ!“

Не суждено было великому герою умереть въ деревнѣ. Когда Англія, Австрія, Пруссія и Италія обратились къ Императору Павлу I му, державшему найтралитетъ по отношенію къ Франціи, прося его дать имъ Суворова противъ Наполеона, то Суворовъ былъ призванъ въ Петербургъ, осыпанъ царскими милостями и посланъ на западъ Европы. Восторжествовало сердце старика героя! Принявъ подъ свое начальство союзное войско, Суворовъ выигралъ десять сраженій, взялъ 25 крѣпостей и восемьдесятъ тысячъ французовъ въ плѣнъ. Иностранные короли и императоры осыпали его наградами. Грудь Суворова не могла помѣстить на себѣ дарованныхъ ему орденовъ. Императоръ Па-

велъ І-й повелѣлъ воздавать почести Суворову, какъ ему самому.

Возвращаясь изъ-за границы, Суворовъ занемогъ въ Краковѣ и 6 мая 1800 г. скончался. Гробъ его цѣлую недѣлю былъ открытъ для прощанья народа съ его останками. Тѣло Суворова было погребено въ Александро-Невской Лаврѣ въ Петербургѣ.

Суворовъ былъ кавалеръ слѣдующихъ орденовъ: св. Андрея Первозваннаго, св. Георгія 1-й степени, св. Владиміра 1-й степени, св. Алексадра Невскаго 1-й степени, св. Анны 1-й степени; австрійскихъ орденовъ: Маріи Терезіи 1-го класса; прусскихъ: Чернаго и Краснаго Орла; сардинскихъ:—св. Маврикія и Лазаря и Благовѣщенія; баварскихъ: св. Губерта и золотого Льва; французскихъ:—Каршельской Богородицы и св. Лазаря; польскихъ:—Бѣлаго Орла и св. Станислава.

Конецъ.

Изданіе

Евдокіи Ивановны

Коноваловой

1) Никольская ул., д. гр. Орлова-Давыдова.
2) Солянская площадь, д. Волкова, противъ басс

въ Москвѣ.

Печатано въ Артист. Лит. Е.И. Коноваловой въ Москвѣ.

2007058098